

Барбарук Юрий Владимирович

**ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СТРАН СЕВЕРА И ЮГА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ
КОГНИТИВНОГО КАПИТАЛИЗМА**

В данной статье рассмотрена проблема экономического разрыва между странами Севера и Юга, описан механизм воспроизводства неравноправных экономических отношений в условиях позднего капитализма с точки зрения концепции когнитивного капитализма. Приведены рекомендации, руководствуясь которыми страны Юга могли бы нивелировать экономический разрыв. Частично данные рекомендации можно применить и к России, т.к. структурные параметры ее экономики близки к параметрам наиболее развитых стран Юга.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/5.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 26-30. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hists@gramota.net

УДК 316.3

Философские науки

В данной статье рассмотрена проблема экономического разрыва между странами Севера и Юга, описан механизм воспроизводства неравноправных экономических отношений в условиях позднего капитализма с точки зрения концепции когнитивного капитализма. Приведены рекомендации, руководствуясь которыми страны Юга могли бы нивелировать экономический разрыв. Частично данные рекомендации можно применить и к России, т.к. структурные параметры ее экономики близки к параметрам наиболее развитых стран Юга.

Ключевые слова и фразы: когнитивный капитализм; знание; марксизм; фордизм; постфордизм; институционализм; экономика знаний; человеческий капитал.

Барбарук Юрий Владимирович, к. филос. н.

Санкт-Петербургский университет управления и экономики (филиал) в г. Магадане

barbaruk@inbox.ru

**ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СТРАН СЕВЕРА И ЮГА
В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ КОГНИТИВНОГО КАПИТАЛИЗМА©**

Статья написана при поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых –кандидатов наук № МК-3547.2014.6.

Проблема колоссального экономического разрыва между странами Севера и Юга стала занимать экономистов, социологов и философов уже очень давно, начиная с авторов концепций географического детерминизма и расизма [1], заканчивая самыми современными исследованиями, подкрепленными помимо метафизики строгими количественными данными [5], но никак нельзя сказать, что эта проблема исчерпана. В данной статье мы дадим анализ проблемы экономического разрыва между странами Севера и Юга в свете концепции когнитивного капитализма, рассмотрим основные факторы, способствующие закреплению международной системы разделения труда на неравноправной основе в настоящее время.

Сразу следует заметить, что данная концепция политически ангажирована, ее представители являются авангардом современного западного марксизма (К. Верчеллоне, А. Горц, А. Корсани, Б. Польре, Э. Руллани и др.). Марксистская методология в принципе исключает возможность объективного социально-гуманитарного знания, лишённого идеологической составляющей, так что к данному аспекту следует отнестись с пониманием. Второй момент состоит в том, что когнитивисты мало внимания уделяют историческому контексту проблемы, их в большей степени занимает ее настоящее и сценарии будущего.

Марксистские исследования дисбалансов в международном разделении труда имеют давнюю историю. Маркс одним из первых обратил внимание на зарождение мировой экономики и высоко оценил историческое значение этого феномена, он описал характер экономических отношений между метрополией и колониями, показал как трагическую сторону процесса колонизации, так и положительные аспекты этого процесса для самих колоний. В начале прошлого века в среде левых появилась концепция империализма. Отчасти она стала реакцией на очевидные проблемы с прогнозом Маркса о люмпенизации пролетариата. Тогда Ленин выдвинул положение о том, что пролетариат развитых капиталистических стран улучшил свое материальное положение за счет колониальной эксплуатации и ухудшения положения пролетариата колоний и полуколоний [6]. Тезис этот кажется сегодня проблематичным, учитывая, что колониальный мир давно канул в лету, а разрыв между богатыми странами Севера и бедными странами Юга и их «пролетариатом» лишь многократно усугубился. После Второй мировой войны большинство стран Юга обрело политическую независимость и от них ждали определенных успехов, но, как мы знаем теперь, этого не случилось. Глубинные причины данной дилеммы по сию пору остаются дискуссионными.

В середине 1960-х гг. для объяснения отсталости стран третьего мира президент Ганы Кваме Нкрума ввел понятие неокOLONИализма, смысл которого состоит в том, что капиталистические державы переносят свои социальные конфликты в бывшие колонии за счет их эксплуатации при помощи подновленных колониальных приемов. Советская идеологическая машина охотно приняла на вооружение этот инструмент, западные левые интеллектуалы делали себе имя на разоблачениях грязной неокOLONИальной игры собственных правительств, но конец двухполярного мира, казалось, свел на нет эту проблематику. Теперь она снова обретает свою актуальность в работах когнитивистов, но совсем в другом свете.

Интересно, что именно середина 1960-х гг. была наиболее благоприятной для развития стран третьего мира в послевоенное время. Предполагалось, что эти страны при определенной поддержке смогут пойти по индустриалистскому пути северных стран, просто скопировав их модель. Уже к концу 1970-х годов стало очевидным, что большинству стран третьего мира этот путь не дает никаких перспектив – они лишь закрепились в своей отсталости и создали себе такую долговую нагрузку, обслуживать которую в принципе невозможно.

В последнее время лидерство в объяснении успехов / неудач модернизации в развитых и развивающихся странах захватили представители разных направлений институционализма. Если кратко выразить суть этих концепций, то неравенство здесь объясняется в большей степени тем, как функционируют формальные и неформальные институты. Само неправильное функционирование институтов, не позволяющее осуществить

успешную модернизацию, еще ничего не объясняет – необходимо разобраться в том, почему именно они функционируют неправильно. В итоге, почти каждый раз разговор идет о культуре. Фордистскую и пост-фордистскую модели развития с точки зрения институционализма нельзя рассматривать просто как набор технических и организационных решений, внеположенных культуре, они являются ее продуктами. Нет ничего удивительного в том, что где-то в Африке или Азии они работают несколько иначе или не работают совсем. Мы не будем оспаривать тезис о значительной роли культурных аспектов в процессе модернизации, тем более что не делают этого и когнитивисты.

Концепция когнитивного капитализма оттачивается от общепринятого в макроэкономических исследованиях положения о том, что знание играет центральную роль в современной экономике. Особенностью же этого направления является взгляд на то, каким образом знание функционирует в экономике и чем оно по природе своей является. Когнитивист Б. Польре определяет современную экономику как общество знания, управляемое и организованное по законам капитализма [8, с. 70]. Определяющим его элементом является преобладание накопления капитала на основе эксплуатации присвоенного знания. Знание здесь является основным источником стоимости и этим когнитивный капитализм отличается от промышленного. При определении капитализма, что очень важно, когнитивисты исходят из непривычного тезиса о том, что рыночная экономика и капитализм в полном смысле слова не могут существовать вместе, т.к. капитализм уничтожает структуры свободной конкуренции. Впрочем, Маркс также говорил о том, что чем ближе капитализм будет продвигаться к тому часу, когда экспроприаторов экспроприируют, тем меньше он будет похож сам на себя – уменьшившееся число магнатов капитала постарается уничтожить выгоды, которые несет свободный рыночный механизм [7, с. 772-773]. В целом же такое разграничение было позаимствовано вовсе не у Маркса, а у Фернана Броделя [8 с. 71]. Оно оказывается очень даже уместным, учитывая то обстоятельство, что как раз знание в современной экономике вовсе не функционирует по рыночным принципам. Дело в том, что современный капитализм старается опредметить знание, сделать его своего рода товаром наподобие любых других товаров, что возможно только в том случае, если совершать над природой знания «насилие». Современная патентная система предполагает, что обладая определенным знанием, я не могу его использовать, если кто-то другой обладает юридическими правами на это знание. Даже если я покупаю патент, то смогу пользоваться им сам, но не передать другому. В то же время, купив какой-либо обычный товар, я могу безвозмездно поделиться им с другими (будь это продукты питания или предметы быта), но только если речь не идет об интеллектуальной собственности. Получается, что знание не является просто товаром – знание в современной экономике функционирует как товар *par excellence*. Такая ситуация складывается в связи с тем, что в развитых капиталистических странах начинает доминировать интеллектуальная составляющая труда. Когда знание становится основным фактором в создании богатства, затраты на рабочую силу перестают быть мерой ценности продукта. Именно поэтому интеллектуальное знание опредмечивается, иначе его невозможно было бы приватизировать и получать с него прибыль. Результатом приватизации «обобщенного интеллекта» становится то, что прямым источником капиталистической прибыли теперь является рента, а вовсе не эксплуатация в традиционном смысле слова. Богатство гигантов когнитивного капитализма существует за счет ренты от цифрового коллективного знания, которую они извлекают из своего квази-монополистического положения. Коллективное знание является не вполне обычным продуктом, т.к. нельзя определить его стоимость в той же мере, как и стоимость обычного материального товара, т.е. ни рыночным способом, ни с помощью трудовой теории стоимости. В отличие от традиционных товаров, знание не уменьшается в результате его потребления, оно может только распространяться и увеличиваться. В ряде публичных выступлений С. Жижек, популяризирующий работы когнитивистов, высказался даже в пользу коммунистической природы интеллектуальной собственности – она стремится быть коллективизированной. Почему же этого не происходит? Только благодаря государственной машине, обеспечивающей саму возможность собственности на знание рент-монополиями. На уровне международных экономических отношений это попросту означает, что международная патентная система отстаивает интересы развитых стран за счет неразвитых, что приводит к воспроизводству отсталости. Марракешское соглашение о создании Всемирной Торговой Организации (Марракеш, 15 апреля 1994 г.) в приложении 1С предлагает лишь очень размытые формулировки о том, что развитые страны должны способствовать развитию наименее слабых экономически стран через передачу интеллектуальной собственности (ст. 6 приложения 1С). По большому счету данный пункт соглашения является лишь благим пожеланием и не более того. Собственно добрая воля развитых стран как таковая отсутствует, ведь марракешское соглашение по торговому аспектам прав интеллектуальной собственности было создано в пику деятельности Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), большая часть членом которой – представители развивающихся стран.

Новый порядок накопления капитала приводит к существенным трансформациям на уровне международных экономических отношений и он, очевидным образом, не содержит в себе стратегии по выравниванию экономического дисбаланса между Севером и Югом. Что же является главным препятствием для успешной модернизации стран Юга с точки зрения концепций когнитивистов?

Когнитивисты полагают, что нынешняя фаза экономического роста развитых стран обеспечена за счет реализации концепции государства всеобщего благосостояния (*welfare state*), т.е. вложений в человеческий капитал. Основная часть успехов в этой области была достигнута в первое послевоенное тридцатилетие – период расцвета фордистской экономической модели. В этом смысле нынешняя фаза экономического развития пожинает плоды прежней. К. Верчеллоне подчеркивает, что рост затрат государства всеобщего благоденствия способствовал кризису фордизма за счет роста затрат на воспроизводство рабочей силы. Вследствие этого и демократизации системы образования рабочая сила стала приобретать новые качества, создавая предпосылки для когнитивного капитализма [3, с. 145]. Это не вполне традиционный взгляд на историю

трансформации капитализма в период кризиса 1970-х гг. Большинство исследователей отдает приоритет в объяснении положительных сдвигов в повышении производительности труда изменившимся формам организации труда и благотворному влиянию информационных технологий, но оставляют без внимания метаморфозы рабочей силы, что не вполне справедливо.

Последующее десятилетие в плане организации труда показало пределы фордизма, что стало выражаться в отказе от дробления работы и увеличении автономии наемных работников в пределах производства. Уже в начале 1990-х годов в наиболее развитых странах инвестиции в сложное информационное оборудование и НИОКР стали превышать инвестиции в прочие средства производства. Значит ли это, что относительно небольшое количество людей, работающих в исследовательских лабораториях, создают большую часть общественного богатства? Когнитивисты говорят, что это не так. Если источником роста в эпоху когнитивного капитализма являются вложения в человеческий капитал, то причины богатства нужно искать не в лабораториях, а в системах здравоохранения и образования, институциональных и университетских исследованиях [Там же, с. 151]. Что касается частных компаний, то они лишь пользуются тем человеческим ресурсом, в воспроизводство которого изначально не вкладывали своих инвестиций.

Когнитивный капитализм обладает природой противоречивой, потому как экономическая эффективность его ключевых агентов напрямую зависит от того, насколько успешно они рубят сук на котором сидят. Становление когнитивного капитализма исторически совпадает с неолиберальной структурной перестройкой экономики и государства, что предполагает по сути десоциализацию экономики.

Анализ концепции когнитивного капитализма позволяет сделать некоторые выводы относительно того, что стоит и чего категорически не стоит делать странам Юга для улучшения своих позиций в системе международного разделения труда.

1. Существующий порядок международного разделения труда не способствует уменьшению экономического неравенства. Меры, предлагаемые или предпринимаемые международными экономическими структурами к уменьшению неравенства, не работают или имеют обратный эффект. Неолиберальные стратегии структурных реформ вместо притока иностранных инвестиций в развивающиеся страны приводят лишь к деградации системы социальной безопасности, нивелируя возможности для роста инвестиций в последующем.

2. Путь, пройденный азиатскими тиграми, в новых экономических условиях не обещает успеха развивающимся странам. Если темпы индустриализации будут превышать темпы вложений в человеческий капитал, это неизбежно приведет к дальнейшему закреплению отсталости.

3. Как показал текущий экономический кризис, цикличность капиталистической экономики способствует сохранению существующей системы международного разделения труда и укреплению глобального неравенства. Во время роста глобальной экономики, развивающиеся страны за счет роста цен на сырье наращивают свои резервы и укрепляют национальные экономики, что может создавать иллюзию успешной политики модернизации, но во время кризиса цены на сырье падают, и начинается отток капитала в развитые страны (преимущественно в США). Попытки осуществить модернизацию за счет сырьевого экспорта, как показывает практика фармакологии и биоиндустрии, весьма проблематичны по причине высоких издержек их переноса в развивающиеся страны [Там же, с. 157]. Модернизированная таким образом экономика вероятнее всего будет неизменно проигрывать странам-донорам технологий при соблюдении патентного права.

4. Конкурентоспособность территории зависит от наличия на ней ресурсов интеллектуального труда. Их отсутствие означает отсутствие капитала. Если этот тезис действительно справедлив, то вложения в человеческий капитал на данной фазе экономического развития должны быть преобладающими.

5. Странам юга необходима жесткая демографическая политика по сокращению темпов рождаемости, без чего вложения в человеческий капитал будут в лучшем случае бессмысленными. Сами когнитивисты по каким-то соображениям предпочитают обходить вопросы демографии, что, на наш взгляд, контрпродуктивно.

6. Страны Юга должны взвешено подходить к политике свободной торговли, т.к. реально для свободной торговли оказываются открытыми только они сами, в то время как Север отгораживается мощными протекционистскими барьерами.

7. Странам Юга необходимо отказаться от стандартизации и униформизации сельскохозяйственной продукции в терминах стран Севера. Стандартизация и униформизация разрушают биологическое разнообразие, уничтожают потенциальные возможности развития биотехнологий в развивающихся странах, делают сельское хозяйство развивающихся стран зависимым от биотехнологий развитых стран. Выбор следует делать в пользу исконных поликультур. Коллективные знания крестьянских сообществ развивающихся стран не должны рассматриваться как примитивные – необходимо понимать, что всегда возможна реапроприация крестьянских знаний доиндустриального периода, как это происходит сегодня в Европе. Коллективные доиндустриальные знания крестьян имеют колоссальное преимущество над индустриальным знанием – они физически не в состоянии устаревать. Традиционный сектор экономики не должен рассматриваться как обуза или резервуар дешевой рабочей силы для капиталистической экономики экстравертного типа, ориентированной на экспорт.

8. Отказ от логики производства, ориентированной на платежеспособный спрос, в пользу экономики, направленной на удовлетворение насущных потребностей и потребительскую стоимость, что означает отказ от количественного роста в пользу качественного. Интенсивное продуктивистское сельское хозяйство по образцу стран Севера все равно не способно удовлетворить потребности растущего населения, но зато разрушает сложившийся крестьянский уклад и укрепляет зависимость от агрохимических концернов стран Севера.

9. Выбор между индустриализацией и благоприятной экологией, как показывает опыт современного Китая – ложный выбор. Компромиссы в данном вопросе неприемлемы. Индустриализация, ухудшающая качество жизни, в условиях когнитивного капитализма чревата теми же последствиями, что указаны в первом пункте.

Не стоит, однако, полагать, что удачный курс на модернизацию при когнитивном капитализме для стран третьего мира означает решение всех проблем. Это не так. Когнитивный капитализм все же остается капитализмом со всеми своими преимуществами и недостатками. Наиболее проблемным элементом когнитивного капитализма, как это ни странно, является непосредственно человеческий капитал, который когнитивисты ставят во главу угла как фактор успешной модернизации. Появление концепции «человеческого капитала» и ее популярность объясняется тем, что по видимости она устраняет антагонизм между гуманистическими ценностями европейской культуры и капитализмом. Теодор Шульц [11], Гэри Беккер [9] и Саймон Кузнец [10] впервые обосновали идею о том, что инвестиции в человека – в его знания, умения и навыки являются определяющим фактором интенсивного экономического развития. До этого расходы на развитие человеческих ресурсов рассматривались экономистами как затратная статья. Теперь считается, что основу экономического потенциала развитых стран примерно на три четверти составляет «человеческий капитал». Последователи данной концепции полагают, что для стран с догоняющей экономикой низкий уровень человеческого капитала является наиболее существенным препятствием на пути успешной модернизации. Иными словами, в инновационной экономике главную ценность представляют не производственные фонды, а специалисты, которые являются носителями и производителями знаний, необходимых для эффективного функционирования экономики, поэтому в современной экономике большая часть инвестиций, по необходимости, должна приходиться на человека как субъекта экономической деятельности. Однако цели современного капитализма не вполне совпадают с интересами рабочего, как человека стремящегося к самоактуализации и полноценной жизни. Если индустриальный капитализм использовал для повышения производительности труда потенциал «дрессируемых тел» (тейлоризм), то когнитивный капитализм использует в качестве основного ресурса знания и умения современного работника:

«Никакое знание не может находиться в обращении независимо от человека – носителя знания. То, что попадает в обращение при помощи носителей, не являющихся человеком, с нашей точки зрения, является не знанием, а сведениями, данными или, в определенных случаях, информацией. Сказанное подразумевает, что контроль и эксплуатация знания проходит через контроль над живыми людьми, их жизнью и деятельностью в качестве когнитивных субъектов» [8, с. 72].

Поскольку не настал еще тот день, когда граница между человеком и машиной стерта, только человек может быть носителем знаний и только он может умножать их и творчески использовать. А значит, в эпоху когнитивного капитализма работник по-прежнему остается объектом эксплуатации, а его труд источником прибавочной стоимости. Современный капитализм остро нуждается в кадрах, перманентно пребывающих в процессе самообразования, т.е. увеличивающих свой «человеческий капитал». Эти работники являются передовым краем когнитивного капитализма, они составляют костяк наиболее прибыльных, сверхсовременных производств, которые зачастую вовсе не производят никаких материальных продуктов, но ограничиваются высокорентабельными манипуляциями, связанными с маркетингом, разработкой, скупкой и продажей информационных технологий и инфраструктурных решений, внедрением инноваций и просто спекулятивными операциями. Проблема заключается в том, что эта высокорентабельная сфера когнитивных технологий, которая требует высококвалифицированной рабочей силы, обладающей высокими показателями «человеческого капитала», не нуждается в большом количестве трудовых ресурсов. Когнитивный пролетариат двулик – его небольшая высокооплачиваемая прослойка существует с массовым проявлением когнитивного труда – пролетариатом, скитающимся от одной непостоянной работы к другой, накапливающим сроки неоплачиваемых стажировок без перспектив на будущее [2, с. 86-92].

Переход развитых стран к постиндустриальной фазе экономического развития привел к очень серьезным негативным последствиям, на которые далеко не всегда обращают внимание. Инноватизация производства и перенос трудоемких производств в страны третьего мира создали предпосылки для уменьшения показателей экономического роста внутри развитых стран, т.к. в сфере услуг, доминирующей над реальным сектором экономики, невозможно быстрыми темпами наращивать производительность труда. Именно поэтому некоторые страны Южной и Восточной Азии с дешевой рабочей силой вышли в локомотивы мировой экономики – они стали переживать бурную индустриализацию. В то же время основные свои активы гиганты когнитивного капитализма предпочитают держать в оффшорах, что позволяет им снижать налоговую нагрузку со сверхприбылей до незначительных величин. Попытки государства противодействовать уходу от налогов натываются на ожесточенное сопротивление акционеров и ничем не заканчиваются. Таким образом, экономика знаний в условиях капитализма создает не самые приятные перспективы для обывателя. Страдает социальная солидарность между экономически активным и неактивным населением, подкрепленная существенными проблемами в демографической сфере. Социальное государство не в состоянии более работать, когда экономически активное население становится меньшинством, как это повсеместно произошло в развитых странах, и, более того, активное меньшинство страдает от массовой безработицы (около 9% – в США и еврозоне, 5% – в Японии). Вместе со структурными изменениями в экономике и ростом безработицы происходит постепенный переход от бессрочных трудовых договоров к срочным, частичной занятости, аутсорсингу и прочим ранее атипичным формам занятости. Заново создаваемые места, как отмечает французский социолог Р. Кастель, на две трети представляют собой именно такие формы занятости, так что постепенно атипичные формы занятости станут преобладающими [4, с. 465].

Р. Кастель отмечает что даже во Франции около 60% рабочих мест требует квалификации на уровне среднего образования и ниже [Там же, с. 469]. На фоне этих данных становится понятным стремление правительств многих стран сделать высшее образование менее доступным. Если говорить точнее, то система высшего образования все отчетливее будет раздваиваться: одна часть – для технократии, другая – для тех, чье пребывание в системе высшего образования менее обременительно государству, чем содержание дополнительных полицейских сил для контроля над радикально настроенной молодежью.

Сложившаяся ситуация не просто делает безработицу и нестабильные формы занятости нормой, но и ставит на передний план проблему лишних людей. Этим людям невозможно ни полноценно интегрировать в общество, ни просто экономически поддерживать их существование на более-менее приличном уровне.

Суть современного капитализма, таким образом, заключается в его двойственности: в обеспечении высокого уровня производительности труда и в управлении рисками, связанными с ростом социального исключения, ареал которого неизбежно будет повышаться. К чему приведет развитие когнитивного капитализма очень трудно предположить просто в силу его перманентной инноватизации, но определенно точно можно сказать, что он по-прежнему не обещает никому светлого будущего, а его судьба накрепко связана со статусом знания.

Список литературы

1. **Анучин В. А.** Географический фактор в развитии общества. М.: Критика буржуазной идеологии и ревизионизма, 1982. 325 с.
2. **Барбарук Ю. В.** Социальная теория и политические стратегии постмарксизма. М.: Либроком, 2012. 112 с.
3. **Верчеллоне К.** Вопрос о развитии в век когнитивного капитализма // Логос. 2007. № 4 (61). С. 144-167.
4. **Кастель Р.** Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб.: Алетейя, 2009. 574 с.
5. **Кларк Г.** Прощай, нищета! М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. 304 с.
6. **Ленин В. И.** Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. Изд-е 5. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 27. С. 299-426.
7. **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Изд-е 2. М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1960. Т. 23. 908 с.
8. **Полье Б.** Двусмысленности когнитивного капитализма // Логос. 2007. № 4 (61). С. 70-113.
9. **Becker G. S.** Human Capital. N. Y.: Columbia University Press, 1964.
10. **Kuznets S.** Economic Growth of Nations: Total Output and Production Structure. Cambridge (USA): Harvard University Press, 1971.
11. **Shultz T.** Investment in Human Capital. N. Y. – L., 1971.

PROBLEM OF INTERACTION BETWEEN COUNTRIES OF THE NORTH AND THE SOUTH FROM THE STANDPOINT OF COGNITIVE CAPITALISM CONCEPTION

Barbaruk Yurii Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy

*St. Petersburg State University of Management and Economics (Branch) in Magadan
barbaruk@inbox.ru*

The article considers the problem of economic gap between the countries of the North and the South, and describes the mechanism of the reproduction of unequal economic relations in the conditions of late capitalism in terms of the conception of cognitive capitalism. Recommendations are given, and guided by them the countries of the South could neutralize economic gap. Partially these recommendations can be applied to Russia, because the structural parameters of its economy are close to those of the most developed countries of the South.

Key words and phrases: cognitive capitalism; knowledge; Marxism; Fordism; post-Fordism; institutionalism; knowledge economics; human capital.

УДК 94

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются история создания Центральной таможенной (Кинологического центра Федеральной таможенной службы (ФТС) России), вклад первого начальника Е. Н. Чухарева в развитие кинологии в таможенных органах. Прослеживаются этапы становления кинологической службы в таможенных органах, акцентируется внимание на значимости создания Кинологического центра ФТС России, на достижении положительных результатов применения служебных собак в борьбе с контрабандой товаров, незаконным оборотом наркотических средств, оружия. Особое внимание уделяется роли служебных собак в выполнении задач, поставленных перед таможенными органами.

Ключевые слова и фразы: Центральная таможня; создание кинологической службы; начальник Центральной таможенной службы; служебная собака; таможенные органы.

Бахарева Анна Юрьевна

*Российская таможенная академия, г. Люберцы
baharevaan@mail.ru*

СТАНОВЛЕНИЕ КИНОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ РОССИИ®

Собака прошла долгий путь с человеком. Столь длительное совместное сосуществование обусловлено в первую очередь наличием у собак качеств, приемлемых для человека и его деятельности. Несмотря на бурное